

НАУКА ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
 В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Л. И. ПЕТРАЖИЦКОГО:
 «ПОСЛЕ РИМСКОГО ПРАВА БЫЛО И ЕВАНГЕЛИЕ ЛЮБВИ»

И. Ф. МАЧИН*

Мачин Игорь Федорович,
 канд. юрид. наук, доц.,
 МГУ им. М. В. Ломоносова

В статье рассматривается наука правовой политики в интерпретации Л. И. Петражицкого — создателя теории, в которой право выступало психическим фактором общественной жизни. Обосновывается идея, согласно которой Петражицкий следовал линии Платона, разрабатывая свой идеальный проект политики государства в сфере права. В отличие от Платона, выдвинувшего идеалы справедливости и умеренности, Петражицкий сформулировал для законодателя идеал «действенной любви». Петражицкий исходил из понятия общественного прогресса, признавая за правом исключительно временный характер. В понимании Петражицкого этика любви должна будет сделать излишним существование карательного и наградного права. Он доказывал, что правовая политика, опирающаяся на наказания и награды, несет деструктивный характер для человеческого общества. Петражицкий внес большой вклад

в развитие законодательного искусства. Так, он обратил внимание законодателя на важность учета этической характеристики адресата права. Петражицкий призывал законодателя ассоциировать себя с врачом, который должен стремиться не навредить. Кроме того, Петражицкий предлагал использовать воспитательный потенциал права, полагая, что при помощи права можно оказывать косвенное благотворное воздействие на массовую психику. Идеи правовой политики, высказанные Петражицким, находят все большее применение в юридической практике. Так, гуманная уголовная правовая политика, осуществляемая в современной Норвегии, может служить тому подтверждением. Речь идет о существовании очередей по отбыванию наказаний в Норвегии и о механизме обсуждения политики в области уголовных наказаний с участием лиц, которые в настоящее время отбывают такого рода наказания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовая политика, идеал любви, психологическая теория права, карательное право, прогресс права.

* Igor F. Machin — PhD in Law, Associate Professor, Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

E-mail: msu.machin@ya.ru

© Мачин И. Ф., 2017

УДК 340.1

MACHIN I. F. THE SCIENCE OF LEGAL POLICY IN THE INTERPRETATION OF L. I. PETRAŽYCKI: "THERE WAS A GOSPEL OF LOVE AFTER THE ROMAN LAW"

The article deals with the science of legal policy in the interpretation of Leon Petrażycki who created the theory according to which the law constituted a psychic factor of the social life. The author justifies the idea that Petrażycki followed Plato's line developing his ideal project of the state policy in the sphere of law. Unlike Plato who put forward the ideals of justice and moderation, Petrażycki formulated the ideal of "effective love" for the legislator. Petrażycki relied on the notion of a social progress recognizing the exclusively temporary nature of the law. According to Petrażycki, the ethics of love will make the existence of punitive and awarding law redundant. He argued that a legal policy based on punishments and awards is destructive for the human society. Petrażycki made a great contribution to the development of the legislative art. Thus, he drew the legislator's attention to the importance of taking into account ethical characteristics of the addressee of the law. Similarly, Petrażycki urged the legislator to associate itself with a doctor who should strive not to harm. In addition, Petrażycki suggested using the educational potential of law, believing that with the law would help to influence favourably the mass psyche. The ideas of legal policy expressed by Petrażycki are increasingly applied in legal practice. Thus, the humane criminal legal policy implemented in modern Norway can serve as a confirmation. It is about the existence of queues for serving sentences in Norway and about the mechanism for discussing the policy of criminal punishment with the participation of persons who are currently undergoing such punishments.

KEYWORDS: legal policy, ideal of love, psychological theory of law, punitive law, progress of law.

В многоплановом творчестве Л. И. Петражицкого особое место занимает тема науки *правовой политики*. Заметим, что термин «политика» имеет несколько значений. В научной литературе выделяют два принципиальных подхода к определению политики, связывая их с именами *Платона* и *Макиавелли*.

Если для Платона политика — это искусство, основанное на *теоретическом* знании, то для Макиавелли политика — искусство, связанное со знанием *практических* средств, необходимых для завоевания или удержания власти.

Платон в работе «Политик» рассуждает об искусстве плести политическую ткань: «Итак, вот что мы называем завершением государственной ткани: царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей»¹. Само же «царское искусство», по его мнению, должно быть основано *на знании*. Это знание позволяет выработать *идеальную* политику государства, т. е. политику в соответствии с *идеалом*. Платон предложил два идеала: идеал *справедливости* (в работе «Государство») и идеал *умеренности* (в работе «Законы»). Идеальная политика у Платона соотносится с идеальным государством, два проекта которого он и разработал в своих трудах.

¹ Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1994. С. 82.

Первый проект идеального государства Платона — это воплощение *добродетели справедливости*, когда каждое сословие занимается своим делом. Русский философ права Е. Н. Трубецкой писал в связи с этим: «Таково идеальное государство Платона — воплощение мудрости и справедливости. Когда нарушается иерархическое подчинение классов <...> разрушается состояние гармонического равновесия; общежитие перестает быть конкретным воплощением справедливости, оно вырождается»². Второй проект идеального государства Платона — это воплощение *добродетели умеренности*, когда достигается «состояние гармонии частного и общественного интереса путем ограничения первого»³.

Макиавелли же, напротив, в работе «Государь», рассуждая о выработке идеальной политики, заявляет, что она является «утопией, не только бесполезной, но и вредящей эффективному функционированию государства»⁴. Таким образом, Макиавелли никоим образом не соотносит политику с идеалами справедливости и морали.

Что же касается Льва Иосифовича Петражицкого, то он, предлагая выработать *идеальную политику* государства в *сфере права*, следует, как представляется, *линии Платона*.

Интерес Петражицкого к данной теме можно понять, если обратиться к его ранним произведениям немецкого периода.

В этих работах он показал свою блестящую способность делать глубокие (масштабные) обобщения в ходе анализа частных юридических вопросов. Так, исследуя институт возмещения вреда в гражданском праве, он стал оценивать его «не с точки зрения сталкивающихся интересов двух лиц, не с точки зрения конфликта А и Б, а с точки зрения тех *общих последствий*, какие имеет существование известной нормы (здесь и далее курсив в цитатах наш. — И. М.)»⁵.

Собственно институт возмещения вреда Петражицкий наделяет благом только в том случае, если он способен *предупредить* нанесение вреда, делая всех (все общество) лучше. Философ ищет «*общее благо*», которое можно осуществить посредством права, — из чего можно заключить, что Петражицкий мыслит в рамках платоновской традиции.

В приложении к работе «Учение о доходе» (1893–1895), двухтомному труду на немецком языке, «он высказывает идеи: о влиянии права на экономическую жизнь, о возможности создать новую *научную дисциплину* — “политику права”, в частности “*цивильную политику*”, новую науку, которая будет *указывать*, в каком направлении нужно развивать гражданское право, для того чтобы оно улучшало экономическую жизнь и *этическую обстановку* человеческого общества»⁶. Размышления Петражицкого на

² Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 82.

³ Там же.

⁴ La philosophie de A a Z / Sous la direction de L. Hansen-Løve. Paris, 2011. С. 357.

⁵ Гинс Г. К. Обоснование политики права в трудах профессора Л. И. Петражицкого (1892–1927) // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. СПб., 2010. С. 893.

⁶ Там же.

тему правовой политики эволюционировали. Так, в 1913 г. он писал: «Задача, которую я себе поставил, и над которой работал более двадцати лет и продолжаю работать, состоит в обосновании возможности и научной подготовки построения *науки законодательной, вообще правовой политики* на почве опытно-психологического изучения права и его причинных свойств, причинных действий»⁷.

Петражицкому правовая политика представлялась системой, структурными элементами которой выступали: политика в области гражданского права, политика в области уголовного права, политика в области трудового права и т. п. Ему требовалось выяснить возможности права (гражданского, уголовного, трудового и др.) по регулированию различного рода общественных отношений, чему должна была служить *наука правовой политики*. Именно наука правовой политики должна была способствовать общественному развитию, т. е. обеспечить *прогресс* во всех сферах жизни и предотвратить возможные «социальные жертвы и несчастья». Петражицкий писал: «Миссия будущей науки политики права состоит в сознательном ведении человечества в том же направлении, в каком оно двигалось пока путем бессознательно-эмпирического приспособления, и в соответственном ускорении и улучшении движения к великому идеалу будущего»⁸.

Взгляды Петражицкого по данному вопросу очень напоминают представления известного французского мыслителя *Огюста Конта* (1798–1857).

Хорошо известна формула общественного развития Конта: «Любовь как принцип, порядок как основание, прогресс как цель»⁹. Этот французский мыслитель делал ставку на социологию — науку, которая позволит открыть закономерности функционирования общества. Он полагал, как справедливо пишет современный английский социолог Э. Гидденс, что «новая дисциплина будет напрямую способствовать благоденствию человечества»¹⁰. Понятие «прогресс» стало очень важным и для Петражицкого, как и понятие науки — науки правовой политики.

Итак, наука правовой политики, полагал Петражицкий, должна способствовать общественному развитию, т. е. обеспечить *прогресс* во всех сферах жизни и предотвратить возможные «социальные жертвы и несчастья».

Какие же возможности, имманентные праву, следовало иметь в виду для того, чтобы обеспечить столь высокие цели? Хорошо известно, что Петражицкий разработал *психологическую теорию права* — теорию, в которой право выступало психическим фактором общественной жизни. Психическое действие права заключалось в следующем: «...во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к различным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого харак-

⁷ Петражицкий Л. И. Теория и политика права... С. 562.

⁸ Там же. С. 568.

⁹ Приводится по: Брокгауз Ф. А. Новый энциклопедический словарь. Пг., 1914. Т. 22. С. 614.

¹⁰ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 640.

тера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики, в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права)»¹¹.

Таким образом, Петражицкий исходил из того, что право обладает двойным действием: *мотивационным* и *образовательным*, что, собственно, и определяет метод правовой политики. В понимании философа научная правовая политика, опирающаяся на подобный научный базис, может стать благом для человечества, так как позволит достигнуть желательного «социального поведения и социального воспитания». Он настаивал на создании эмпирической науки правовой политики, дистанцируясь тем самым от «конструирования идеального права помимо опыта и вопреки опыту, путем дедукции из придуманной верховной формулы»¹². Эта наука должна была позволить выработать основные цели политики права. В понимании Петражицкого данные цели состоят: «1) в рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации, 2) в совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей»¹³.

Сквозь эти положения Петражицкого вновь просматривается великий античный философ Платон, различавший преступников излечимых и неизлечимых. Первые, которые совершают зло не по доброй воле, достойны сострадания, как и те, кто является жертвой зла, и потому обращаться с ними следует мягко. В работе «Законы» Платон писал: «Человек несправедливый и обладающий злом заслуживает всяческого сожаления. Но уместно сожалеть только о человеке исправимом; надо укрощать поднимающуюся ярость духа и не поступать под влиянием несдержанно, словно женщина. В отношении же человека, не поддающегося вразумлению, безусловно скверного и злого, надо дать волю своему гневу»¹⁴. Известный французский правовед и судья Марк Ансель, внесший существенный вклад в разработку гуманистической уголовной политики, заметил, что «в этих положениях Платона уже были заложены не только идеи перевоспитания и исправления виновного, но даже идея почти лечебного воздействия на преступника, поддающегося такому воздействию»¹⁵.

Итак, как же, по мнению Петражицкого, работает правовая система в обществе? С «правовой системой» он связывал возможность «психического воздействия» на индивидуальное и массовое поведение в направлении «общего блага». Каждая последующая правовая система должна будет адаптироваться к уже улучшенной (с помощью предшествующей правовой системы) человеческой психике. Тем самым будет происходить ослабление «психического воздействия» со стороны правовых систем, в частности все меньше нужно будет использовать мотивацию страха, уже-

¹¹ Петражицкий Л. И. Теория и политика права... С. 567.

¹² Там же. С. 364.

¹³ Там же. С. 567.

¹⁴ Платон. Собр. соч. Т. 4. С. 183.

¹⁵ Ансель М. Новая социальная защита. М., 1970. С. 39.

сточая наказания: «Позднейшие правовые системы играют свой психический концерт на лучших, более социальных человеческих душах, чем более ранние, рассчитанные на более примитивную, менее доброкачественную психику»¹⁶.

Петражицкий считал, что «в основу научной политики права должно быть положено изучение причинных свойств, причинного действия права вообще и разных его видов и элементов в частности»¹⁷. Изучив этот способ действия права, необходимо выяснить и цели правовой политики. Речь, таким образом, вновь, как и у Платона, следует вести об идеале, который и должен быть направляющей идеей для правовой политики.

Рассмотрим подробнее этот идеал Петражицкого, разработке которого он придавал фундаментальное значение.

В отличие от Платона, для которого идеалами правовой политики были, как мы уже выяснили, идеал справедливости и идеал умеренности, Петражицкий выдвинул свой идеал, сопоставимый по значимости с платоновскими. Какой же именно?

Петражицкий считал, что задачей *правовой политики* является осуществление господства «идеала всечеловеческой милости». Уже в своих ранних работах Петражицкий сформулировал для законодателя этот идеал — *идеал любви к ближнему*. В одной из своих работ, написанной на немецком языке, Петражицкий отмечал, что «после римского права было и Евангелие любви»¹⁸. Позднее, уже в 1913 г., Петражицкий писал: «Идеалом является достижение совершенного социального характера, совершенное господство действенной любви в человечестве»¹⁹.

Петражицкий конкретизировал идеал действенной любви в полемике со своим современником, правоведом Р. Штаммлером (1856–1938). Хорошо известно, что в то время научной общественностью широко обсуждался идеал права, сформулированный этим немецким автором: «Общество свободно волящих людей». Речь шла о формировании человека, свободного от эгоистической *любви*. Понятию «любовь» Петражицкий придавал собственный смысл, рассматривая его как «особый сложный идеально-социальный характер — наличность множества соответственных каритативных эмоциональных диспозиций и отсутствие множества других, злых и эгоистичных, диспозиций»²⁰. Движение в направлении к этому идеалу должно было привести человечество к постепенной «социализации психики, общечеловеческой солидарности, способности и готовности служить общему делу без особых кар и наград»²¹. Петражицкого отличала уникальная способность смотреть на правовую систему с удаленной перспективы, с точки зрения вечности. Это нашло отражение и в его пред-

¹⁶ Петражицкий Л. И. Теория и политика права... С. 568.

¹⁷ Там же. С. 567.

¹⁸ Цит. по: Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избр. сочинения. СПб., 2004. С. 340.

¹⁹ Петражицкий Л. И. Теория и политика права... С. 557.

²⁰ Там же. С. 575.

²¹ Там же. С. 574.

ставлениях о будущем права. Он писал: «Вообще право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным»²². Этот его прогноз относился прежде всего к уголовному, в целом карательному праву, а также к наградному праву. Петражицкий полагал, что «психика любви», став второй натурой людей, сделает психически невозможным существование самого права, которое ассоциируется у многих с возможностью принуждения. В полемике с Р. Штаммлером он высказывает следующий тезис: «Во всяком случае “попытка принуждения к правильному” (к правильной воле, т. е. любви и соответственно поведению) в применении к людям “со свободною” (от эгоизма), “правильною” волей есть *nonsens*»²³. Петражицкий верил в пластичность человеческой психики, сравнивая ее с гипсом, который легко поддается обработке.

Петражицкий верил в моральный прогресс человечества и считал, что законодательство может способствовать этому прогрессу. Так, назначение законодательства он определял следующим образом: «Неминуемая победа добра над злом как в человеческой душе, так и в правилах и законах общежития! Все лучше человек и все мягче отношение к нему права!»²⁴.

Итак, можно сделать вывод: Петражицкий разработал основы новой науки — науки правовой политики. Им были определены предмет этой науки, задачи, возможности и др. Какие же содержательные положения этой науки можно применить в юридической практике?

В работах Петражицкого встречается множество значимых рассуждений по этой теме. Так, он полагал, что посредством законодательства можно сформировать новый тип человека, проникнутого духом «свободной от эгоизма любви». Что же необходимо для этого делать?

Петражицкий считал, что необходим «переход от репрессивного характера “грозно-деспотических режимов”, покорности и страха к расширению сферы свободы личности, к замене репрессий поощрениями, защите социально обездоленных слоев, совершенствованию политической организации общества, использованию частной и акционированной собственности»²⁵.

Петражицкий шел против течения. Многие из его современников боролись против слишком большой мягкости и гуманности уголовного права и отстаивали большую строгость наказания, прежде всего смертную казнь. Петражицкий, напротив, критиковал теорию устрашения (основателем этой теории, как известно, был Ансельм Фейербах), из которой вытекала тенденция повышения жестокости наказания. Петражицкий выдвинул психологический тезис, согласно которому в жизненной практике происходят вытеснение и подавление слабых мотивов более сильными мотивами, а не их сложение. Это позволило ему вывести следующую теорему: «Отсюда

²² Там же. С. 591.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 22.

²⁵ См. об этом: Пяткина С. А. Эмоционалистская теория права Л. И. Петражицкого. Современное состояние проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 35.

вытекает следующая теорема для политики государственного права, гражданской политики и т. д.: оперирование наградами и наказаниями, вообще игра на эгоистических струнах человеческого характера оказывает прямо злокачественное и деморализующее влияние на индивидов и те категории людей, от которых соответственного поведения можно было бы ожидать и без привлечения эгоизма или без столь сильного приведения в действие эгоистических мотивов (слишком большая величина наказания или награды), потому что ведет к господству в психике эгоистических мотивов и помехе действию и укреплению более высоких мотивов»²⁶.

Петражицкий затрагивает очень сложную правовую проблему — определение размера наказания за совершенное преступление, — соотнося меру наказания со «злокачественным» и «деморализующим» влиянием на индивида. Собственно, Петражицкий выходит непосредственно на проблему так называемой частной превенции как цели уголовного наказания. Представляется, что эта цель наказания (частная превенция) не достигается, о чем свидетельствует рецидивная преступность. Напротив, целью наказания является кара, которую лицо выбирает для себя, совершая преступление.

Однако какой *размер наказания* можно признать *оптимальным*, в том числе чтобы исключить рецидив? На страницах современной литературы по уголовному праву можно встретить сравнение наказаний за совершение менее тяжких и более тяжких преступлений, что позволяет авторам выявить исключительно их несоразмерность. Однако более глубокая проблема, а именно проблема «злокачественного» и «деморализующего» влияния на индивидов самого наказания как такового, затрагивается чрезвычайно редко. Тем самым идеал «действенной любви» к людям и карательная политика оказываются сложно сопрягаемыми явлениями. (Можно ли, например, рассматривать дело норвежца Брейвика как исключение из общего правила?)

Что касается феномена *наградного права* (права, которое также может оказывать «злокачественное» и «деморализующее» влияние на индивидов), то такой постановкой вопроса Петражицкий, как представляется, значительно опередил свое время.

Актуальными представляются рассуждения Петражицкого о необходимости при помощи права разработать *систему мер косвенного воздействия* на массовую психику для того, «чтобы культура, цивилизация этой психики шла нормально и удачно»²⁷. Таким образом, у Петражицкого речь идет о применении педагогического (воспитательного) потенциала права.

Петражицкий призывал законодателя соотносить себя с врачом, который должен *стремиться не навредить*. Он писал: «Дело идет не о положительном внушении чего-либо кому-либо, а об умении не портить, по

²⁶ Петражицкий Л. И. Теория и политика права... С. 575.

²⁷ Там же.

крайней мере, народного характера и его развития лишними жестокостями, грубою и примитивною политикой и т. д.»²⁸.

Петражицкий в своих работах показал, как право способно влиять на человека и на человеческое общество, каков потенциал у правового регулирования на рубеже XIX–XX вв. Хорошо известно, что XIX в. на Западе вошел в историю как век *прогресса*, а XX в. стал достойным продолжателем века предыдущего. Петражицкий верил в *прогресс права*, считая, что стагнация и формализм права — явления преодолимые.

В каком же направлении, по мнению философа, должно развиваться право в XX в.? Какими идеалами должен руководствоваться законодатель в своей деятельности? Идеалом разумности Платона или идеалом «всечеловеческой милости» Петражицкого?

И вновь обращаемся к Платону, к его идеалу *разумного закона*. Наиболее содержательные представления Платона о законах и законодателе можно обнаружить в его диалоге «Законы». В нем мы видим образ законодателя, который заботится о том, чтобы адресаты законов понимали его замысел. Платон полагал, что закон обязательно должен начинаться с разъяснения целей, которые обусловили его принятие, — с преамбулы. Таким образом, Платон наделял законодателя *здравым смыслом*, т. е. даром Богов. Платон считал: «Закон — это то же самое, что здравый смысл, тот самый смысл, который исходит от Бога и, следовательно, сам закон тоже исходит от Бога»²⁹. Заметим, что такое понимание происхождения закона неизбежно приводит к его идеализации и несет в себе угрозу установления тоталитарной системы. Достаточно привести список законов, представленный Платоном. Так, платоновский законодатель признает *разумным* установление предельного возраста безбрачия для мужчин (35 лет) и введения, соответственно, налога на холостяков. Другим законом у Платона запрещается заключение браков, приятных только для брачующихся, а не для государства в целом. Законом вводится обязанность участвовать в коллективных песнопениях. Все эти институты, как мы помним, существовали и в СССР.

В эпоху французского Просвещения сторонником «разумного законодателя» выступал Вольтер. Хорошо известно его высказывание, что необходимо сжечь неразумные законы и написать новые, т. е. разумные. Просветители стали *рассматривать право под углом политики*. Именно с просветителей начинается эпоха проектов законодательных реформ и самих реформ. Эти философы выдвинули положения, согласно которым закон является: выражением «человеческого разума» (Монтескье); «выражением общей воли» (Руссо). Все это должно было привести к тому, чтобы установить правление законов, а не правление людей. Руссо полагал, что свобода — это зависимость от законов, а не от людей. Кант же подчеркивал принудительность закона, отрицая право народа на сопротивление законодателю. Тем самым право стало отождествляться с законом, создаваемым

²⁸ Там же.

²⁹ Цит. по: Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 39.

государством. Идеалы *разумного* закона и *разумного* законодателя получили широкое распространение в *западной* цивилизации. Возник культ закона, независимый от его содержания.

Что касается современной российской действительности, то примечательным представляется включение в отечественную лексику понятия «диктатура закона». Однако, во-первых, само это понятие предполагает некритичное восприятие закона, поскольку остается неясным, о каком законе — легитимном или нелегитимном — идет речь. Для формирования же в российском обществе здорового правосознания очень важно, чтобы с понятием *юридический закон* ассоциировался исключительно закон легитимный, и он должен быть легитимным: по субъекту, объекту, содержанию и процедуре принятия; дополнительную легитимность закон может получить от народного суверена (Швейцария). Во-вторых, понятие «диктатура закона» содержит внутреннее противоречие, ибо под диктатурой понимается власть, не ограниченная никакими законами.

Теоретической альтернативой *идеалу закона как воплощения разума* у Петражицкого стал *идеал закона как воплощения «всечеловеческой милости»*. Решению проблемы внедрения этого идеала в юридическую практику должна была служить наука правовой политики, основы которой заложил Петражицкий.

Подведем итоги.

1. Во многом благодаря Петражицкому правовая политика стала предметом интереса и других отечественных правоведов. Так, замечательный российский правовед Б. А. Кистяковский предложил выработать *юридико-политическое понятие* права. С точки зрения правовой политики право — это «совокупность правил, помогающих находить и устанавливать нормы для удовлетворения вновь возникающих потребностей или осуществления новых представлений о праве и неправе»³⁰.

2. Петражицкий высказал много значимых положений, которые могут быть признаны основой современной правовой политики — «законодательной политики». Сердцевиной «законодательной политики», как представляется, является *законодательное искусство*. Важно отличать понятие «законодательное искусство» от понятия «законодательная техника». Законодательное искусство всегда представляет собой некое глубокое откровение в отличие от законодательной техники, которая требует лишь методического и пунктуального применения.

3. Петражицкий предложил изменить наше понимание адресатов правовых норм, что очень важно. В современной юридической литературе широко используются такие обозначения субъектов права, как: граждане, лица без гражданства, апатриды, наемные рабочие, работодатели, налогоплательщики, избиратели и т. п. Однако подобные названия субъектов права могут вводить в заблуждение законодателей и правоприменителей, так как от нашего внимания ускользает существенная характеристика субъекта права — *этическая*. Рассуждения Петражицкого отчасти напоми-

³⁰ Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 194.

нают рассуждения Аристотеля, который отличал человеческие существа от других живых существ. Без этого противопоставления Аристотель не смог бы сделать вывод о том, что только люди способны строить свою жизнь по определенному плану. Петражицкий, в свою очередь, показывает обусловленность норм права и норм нравственности биологическими особенностями человеческих существ. Для него абсурдным было бы предположить существование нормы «не убивать своих ближних» по отношению к голубям, тиграм или пантерам, которые «психически» неспособны следовать этой норме. Напротив: «Только для людей и только для злых людей (курсив наш. — И. М.) имеет смысл такая норма. Нравственное правило “не укради” имеет смысл только по отношению к таким, которые способны присваивать чужое добро. Норма, запрещающая ложь, зависть и т. п., надобна только для лжецов, завистников, т. е. для способных и склонных к этим гадостям»³¹. Представляется, что этический адресат права имели в виду уже античные мыслители. В частности, об этом говорится в известном определении истинного закона, выработанном Цицероном: «Истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое призывает к исполнению долга, приказывая; запрещающая, от преступления отпугивает; оно, однако, ничего, когда это не нужно, не приказывает *честным* людям и не запрещает и не воздействует на *бесчестных* (курсив наш. — И. М.), приказывая им что-либо или запрещая»³².

4. Петражицкий полагал, что необходимо «сознательное действие по направлению к совершенствованию права, исходя из *идеала любви*»³³. Философ верил в этический прогресс и выступал против чрезмерно жестоких наказаний.

Можно ли сейчас говорить о том, что задачи науки политики права, сформулированные Петражицким, с успехом реализуются в реальной политике? Представляется, что в этом направлении развивается современная норвежская система уголовных наказаний. О ней очень содержательно рассуждал известный норвежский криминолог Н. Кристи (1928–2015). Речь идет о так называемых встречах в горах. Кристи приводит пример проведения собраний лиц, заинтересованных в изменении системы наказаний. Особенностью этих собраний является то, что среди участников есть и те, кто отбывает эти самые наказания, но им предоставлен кратковременный отпуск. Создается «духовно объединенное сообщество тех, кто принимает решения». Только в таком случае, по убеждению Н. Кристи, «разум не порождает чудовищ». Кристи делится с нами глубокой мыслью: «Это ситуация, когда люди, ответственные за принятие решений, не знают, к какой стороне в конфликте они принадлежат. Попытка приблизить себя к пре-

³¹ Петражицкий Л. И. Теория и политика права... С. 592.

³² Цицерон Марк Туллий. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М., 1999. С. 117.

³³ Цит. по: Гурвич Г. Д. Философия и социология права... С. 340.

ступнику дает во многом такой же эффект. Она побуждает к максимальной сдержанности»³⁴.

Кристи разбирает еще один механизм, который был создан в Норвегии и который является в том числе свидетельством гуманного отношения к осужденным лицам. Речь идет о существовании очередей по отбыванию наказаний в Норвегии. Оказывается, норвежцы пришли к этому, столкнувшись с недостатком мест в тюрьмах. Казалось бы, выходом из такой ситуации должно было стать строительство новых тюрем. Но нет! Это был бы простой ответ, лежащий на поверхности. Норвежцы пошли по другому, оригинальному пути, проявив при этом всю свою *изобретательность*. Они отказались от *стереотипного* мышления, решили изменить свое отношение к осужденным и признать: «Большинство осужденных — это люди, обычные люди, не какая-то особая порода, не бандиты. Они в чем-то виноваты, но их нельзя считать дикими животными. Они способны ждать. Драма уже совершилась»³⁵. Глубокое знание психологии людей позволило норвежцам выработать новую политику в отношении осужденных: «Признать очередь означает признать то, что ожидающие люди не представляют опасности, что они не какие-то чудовища. В конце концов их отправят в тюрьму, но не для того, чтобы защитить от них окружающих (курсив наш. — И. М.). Это обстоятельство заставляет задуматься. Вот чем хорошо это мероприятие»³⁶. Норвежцы не на словах, а на деле пытаются идти по трудному пути строительства гражданского общества. Они находят все новые способы для будущей реинтеграции тех, кто совершил преступление. У института отсроченного отбывания наказания есть отрицательные стороны, в частности, тем, кто его ожидает, трудно планировать свою жизнь. Однако и эта проблема может решаться гуманным образом. Кристи приводит слова одного из тюремных надзирателей: «Полиция беседует с каждым, кто должен отбыть наказание. Осужденные сообщают полиции, когда им было бы удобно отсидеть свой срок. Таким образом нам удается избежать лишних трудностей»³⁷.

В современной России, по мнению Кристи, существует «очень плохая ситуация с доверием людей друг к другу», что объясняет трудности с выстраиванием отношений без указаний свыше. На этом *психологическом базисе*, как предстает, очень трудно реализовать модель социального государства как воплощения идеала «всемиловейшей любви» в лексике Петражицкого. Осуществлять контроль над преступностью в отсутствие социального государства на деле становится проблематичным. Кристи в своем интервью журналу «Русский репортер» говорил: «Социальные контрасты, безобразно богатые люди — это очень плохо для контроля над преступностью. Причем плохо всем. Преодоление гигантской дистанции между верхами и низами нужно не только бедным, но и богатым.

³⁴ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца. М., 2001. С. 40.

³⁵ Там же. С. 42.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 43.

Здоровье отдельных людей, средняя продолжительность жизни, количество заключенных, моральный климат общества, жестокость людей — все это напрямую связано с тем, насколько велик разрыв между богатыми и бедными»³⁸.

Итак, платоновский идеал «общего блага» получил свое преломление в теории правовой политики Петражицкого. Идеал «всемиловнейшей любви» Петражицкого стал компасом для реализации в развитых государствах модели социального государства.

Литература

- Аннерс Э.* История европейского права. М.: Наука, 1994. 397 с.
Ансель М. Новая социальная защита. М.: Прогресс, 1970. 312 с.
Брокгауз Ф. А. Новый энциклопедический словарь. Пг., 1914. Т. 22. 960 с.
Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
Гинс Г. К. Обоснование политики права в трудах профессора Л. И. Петражицкого (1892–1927) // Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга»», 2010. С. 899–905.
Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избр. сочинения. СПб.: Издательство юридического факультета СПбГУ, 2004. 848 с.
Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1999. 375 с.
Константинов А. Медиатор. Знаменитый криминолог Нильс Кристи призывает пересмотреть наши представления о правосудии // Русский репортер. 2011. 12–19 мая. № 18 (196).
Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к ГУЛАГу западного образца. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. 224 с.
Петражицкий Л. И. Теория и политика права: избр. труды. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга»», 2010. 1032 с.
Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. 830 с.
Пяткина С. А. Эмоционалистская теория права Л. И. Петражицкого. Современное состояние проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Верховном Совете Российской Федерации, 1994. 44 с.
Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб.: РХГИ, 2001. 543 с.
Цицерон Марк Туллий. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Наука, 1974. 247 с.
La philosophie de A a Z / sous la direction de L. Hansen-Løve. Paris, 2011. 480 p.

References

- Anners E.* *Istoriia evropeiskogo prava [History of European law]*. Moscow, Nauka, 1994. 397 p. (In Russian)
Ansel M. *Novaia sotsial'naia zashchita [New social protection]*. Moscow, Progress, 1970. 312 p. (In Russian)

³⁸ *Константинов А.* Медиатор. Знаменитый криминолог Нильс Кристи призывает пересмотреть наши представления о правосудии // Русский репортер. 2011. 12–19 мая. № 18 (196). С. 43.

Brockhaus F. A. *Novyi entsiklopedicheskii slovar'* [*The New encyclopedic dictionary*]. Petrograd, 1914, vol. 22. 960 p. (In Russian)

Christy N. *Bor'ba s prestupnost'iu kak industriia. Vpered, k GULAGu zapadnogo obraztsa* [*The fight against crime as the industry. Forward, to the Gulag of the Western sample*]. Moscow, RPO "Center of assistance to criminal justice reform", 2001. 224 p. (In Russian)

Cicero Marcus Tullius. *O gosudarstve. O zakonakh. O starosti. O druzhbe. Ob obiazannostiakh. Rechi. Pis'ma* [*About the state. About the law. About old age. About the friendship. About the responsibilities. Speeches. Letters*]. Moscow, Nauka, 1974. 247 p. (In Russian)

Giddens E. *Sotsiologija* [*Sociology*]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. 704 p. (In Russian)

Gins G. K. [Substantiation of the policy of law in the works of Professor L. Petrazhitsky (1892–1927)]. Petrażycki L. I. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [*Theory and policy of law. Selected works*]. St. Petersburg, University publishing consortium "Law book", 2010, pp. 889–905. (In Russian)

Gurvich G. D. *Filosofiiia i sotsiologiiia prava: izbr. sochineniia* [*Philosophy and sociology of law. Selected works*]. St. Petersburg, Publishing house of the Faculty of Law of St. Petersburg State University, 2004. 848 p.

Kistyakovskiy B. A. *Filosofiiia i sotsiologiiia prava* [*Philosophy and sociology of law*]. St. Petersburg, Publishing house of Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. 375 p. (In Russian)

Konstantinov A. Mediator. Znamenitii kriminolog Nil' s Kristi prizyvaet peresmotret' nashi predstavleniia o pravosudii [The mediator. Famous criminologist Niels Christie calls to reconsider our ideas about justice]. *Russkii reporter* [*Russian reporter*], May 12–19, 2011, no. 18 (196). (In Russian)

La philosophie de A a Z. Sous la direction de L. Hansen-Løve. Paris, 2011. 480 p.

Petrażycki L. I. *Teoriia i politika prava: izbr. trudy* [*Theory of law and politics. Selected works*]. St. Petersburg, University publishing consortium "Law book", 2010. 1032 p. (In Russian)

Plato. *Sobr. soch.:* v 4 t. [*Collected works in 4 volumes*], vol. 4. Moscow, Mysl' Publ., 1994. 830 p. (In Russian)

Pyatkina S. A. *Emotsionalistskaia teoriia prava L. I. Petrazhitskogo. Sovremennoe sostoianie problemy: avtoref. dis. d-ra iurid. nauk* [*Emotionality theory of law by L. I. Petrażycki. Modern state of the problem. Dr. Sc. Thesis abstract*]. Moscow, Institute of legislation and comparative law under the Supreme Council of the Russian Federation, 1994. 44 p. (In Russian)

Troubetzkoy E. N. *Trudy po filosofii prava* [*Works on the philosophy of law*]. St. Petersburg, Publishing house of Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. 543 p. (In Russian)